

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩАЯ ОСНОВА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ

УДК 821.161.1.091-31

Е. В. Крикливец
kriklivec@mail.ru

Повесть в интеграции модернизм–реализм в русской и белорусской прозе второй половины XX века

Научная идея данной работы состоит в сопоставительном изучении близкородственных литератур в рамках одного социокультурного периода. В центре исследовательского внимания находится жанрово-стилевая модификация повести в интеграции модернизм–реализм в русской и белорусской прозе второй половины XX века.

Ключевые слова: русская проза, белорусская проза, сравнительно-типологический анализ, жанрово-стилевая модификация, повесть, реализм, модернизм.

E. V. Kriklivets

A novel in the integration of modernism–realism in Russian and Belarusian prose of the second half of the XX century

The scientific idea of this work is a comparative study of closely related literatures within the same socio-cultural period. The focus of research attention is the genre and style modification of the story in the integration of modernism–realism in Russian and Belarusian prose of the second half of the twentieth century.

Key words: Russian prose, Belarusian prose, comparative typological analysis, genre-style modification, novel, realism, modernism.

Способность повести к видовым взаимодействиям, стилистической трансформации, расширению проблемно-тематического спектра, универсализации эстетической системы обуславливает актуальность и перспективность изучения жанра на всех этапах развития филологической науки. При этом особенно продуктивным представляется жанрово-стилевой подход к определению жанровых разновидностей повести, позволяющий учитывать и тематическую детерминацию, и жанровую доминанту, и стилиевые особенности повести в ее развитии.

Опираясь на достижения жанрологии прошлого века, на работы современных ученых и обобщая их основные положения, мы предлагаем следующую дефиницию повести. *Повесть – это эпический жанр, для которого характерен индуктивный способ постижения действительности. Изображение частного опыта экстраполируется на всю совокупность подобных исторических, соци-*

альных, культурных явлений, оказываясь метонимией социального или нравственного мироустройства эпохи.

Также мы попытались сформировать наиболее полное представление о структуре жанра повести. Предлагаемая структура представляет собой некую абстрактную модель жанра, его «эталонный» тип, выведенный на основе сравнения конкретных литературных произведений. Так, представляется возможным выделить в жанровой структуре повести *семантическую* и *морфологическую* составляющие.

Семантическая составляющая

Жанровое содержание – когнитивная ориентация жанра, способ познания и отражения определенных сторон действительности, иными словами – способ художественного миромоделирования. Повесть, конструируя «микромодель» мира, отражая «часть от целого», стремится к постижению действительности вообще (индуктивный способ познания). Воплощая систему «человек и мир» в отдельных проявлениях, допуская взаимодействие лирических и эпических мотивов, повесть посредством осмысления частных моментов выявляет и раскрывает общие социально-исторические и нравственно-этические закономерности (метонимическая сущность повести).

Субъектная организация – особенности нарратива. Отметим, что поэтика нарратива в большинстве случаев определяется индивидуальными задачами автора повести. Однако нам представляется, что повесть обладает большей, нежели другие крупные эпические формы, вариативностью в изображении эксплицитного нарратора (чаще диегетического), в смене приемов внешней и внутренней фокализации.

Тип героя отражает концепцию личности, «идею человека», характерную для конкретной культурно-исторической эпохи. Каким бы ни был изображаемый в повести тип отношений человека с миром, через «индивидуальное» и «видовое» в характере прослеживаются общие нравственно-этические установки и ценности социума на определенном этапе его развития.

Пространственно-временная организация – «координаты» художественной модели мира. Хронотоп повести интегрирует время и локализует место действия: как правило, пространственно-временная организация повести связана с конкретным локусом и определенным отрезком времени, однако эти границы условны, поскольку и данный локус, и данный временной промежуток являются метонимией социально-исторической эпохи и ее хронотопа.

Морфологическая составляющая

Коммуникативная стратегия – модель взаимодействия автора с читателем. Она обусловлена коммуникативной ситуацией (определенным этапом социального и культурного развития). Коммуникативная задача повести – в бытовом увидеть бытийное, осмыслить социальные процессы, избегая избыточной социальной заостренности, усилить аксиологическое звучание произведения путем сублимации психологического анализа одного или нескольких характеров, транслировать концепцию личности и ценностные ориентиры эпохи.

Сюжетно-композиционная организация обусловлена эстетическими и семантическими задачами произведения. Варианты сюжетно-композиционной

организации повести многочисленны. В целом для повести характерны открытость и персонифицированность конфликта при наличии доминантной коллизии, которой обусловлены последовательность событий и тип сюжета.

Речевая организация – стилистическое единство произведения. Формируется взаимовлиянием художественного метода и индивидуально-авторских особенностей.

Предложенная модель жанра представляет собой обобщенную схему, бесконечно воспроизводимую в каждом конкретном произведении. Варианты воспроизведения зависят от комплекса факторов как литературного, так и внелитературного характера.

Видовую целостность повести обеспечивают жанровые доминанты: *жанровое содержание и пространственно-временная организация*, – поскольку актуализация различных жанровых разновидностей повести происходит в границах объема ее жанрового содержания, чем объясняется сохранность канона. Эту же задачу решает и пространственно-временной континуум повести, интегрирующий конкретику локуса и временного отрезка.

Жанровые модификации повести осуществляются, благодаря разнообразию способов субъектной организации, типов героев (на семантическом уровне), многообразию моделей взаимодействия автора с читателем, типов конфликтов и эстетических решений (на морфологическом уровне).

Развитие литературного процесса обусловлено не только социальными сдвигами, но, в первую очередь, сменой мировоззренческих и эстетических координат, что приводит к изменению способов художественного миромоделирования. Эта тенденция наметилась уже в 60-е годы XX века, когда «монологизм советской литературы сменяется полилогом разных типов художественного творчества» [1, с. 27]. Сомнению подвергаются не только каноны нормативной эстетики, но и принципы эпического (реалистического) мировосприятия.

В широком смысле на смену классической упорядоченности с четко выраженными причинно-следственными связями приходит дисгармония и необходимость отражения «либо разорванности (редукции) сознания, либо его ассоциативности, то есть разные способы вербализации либо материализации бессознательного» [1, с. 28]. Это ориентирует писателей на поиск новых художественных приемов и новых жанровых форм, которые удовлетворили бы эстетические потребности времени, на обращение к различным смысловым и культурным кодам и, как следствие, на интеллектуализацию прозы

Следовательно, основные стилевые изменения в литературе второй половины XX века происходят не только и не столько в рамках определенной художественной системы, сколько «на стыке» этих систем. Стилевая динамика прозы второй половины XX века обусловлена степенью усвоения реалистической парадигмой неклассических элементов. С одной стороны, обращение к экзистенциальной проблематике и неомифологическим приемам моделирования реальности дало возможность авторам преодолеть каноны нормативной эстетики и вернуться к принципам классического реализма, с другой – «степень концентрации» такого рода элементов в произведении позволяет говорить о явлениях переходного характера, сочетающих в себе признаки обеих художественных систем.

Эстетической реакцией на идеологическую ангажированность советской литературы стала так называемая «*другая проза*», в русле которой можно выделить корпус произведений, написанных в духе *экзистенциального реализма* (М. Палей «Евгеша и Аннушка», М. Кураев «Капитан Дикштейн», «Ночной дозор», С. Каледин «Стройбат», «Смирненное кладбище», Л. Габышев «Одлян, или Воздух свободы», А. Федоренко «Солдат» и др.), и произведения, в которых происходит рецепция традиций *карнавальной литературы* (Юз Алешковский «Николай Николаевич», «Синенький скромный платочек», Г. Головин «День рождения покойника» и др.). В некоторых литературоведческих работах эта тенденция охарактеризована как «иронический авангард» [2; 3].

И русские, и белорусские прозаики активно используют различные типы вторичной художественной условности. В зависимости от доминирующего типа условности и доминирующего художественного приема можно выделить следующие пути обогащения реалистической эстетики средствами неклассической художественности: *актуализация сюрреалистической эстетики*; *синтез реалистического и фантастического* (при этом следует различать фантастическую условность как прием и фантастический метод художественного миромоделирования); *обращение к фольклорно-мифологическим мотивам*, мифологическим способам познания мира.

Жанровая разновидность **социально-психологической повести** в силу своей мобильности оказалась способной синтезировать реалистическое начало и фантастические, гротескные, неомифологические способы моделирования реальности, позволив тем самым совместить принцип правдоподобного изображения действительности с аллегорическими, метафорическими способами ее осмысления.

Сопоставляя *способы субъектной организации* социально-психологической повести в контексте реалистического метода и в неклассической эстетике, можно прийти к следующим выводам. В анализируемой жанровой разновидности повести происходит последовательная замена автобиографического диегетического нарратора автодиегетическим (М. Кураев «Ночной дозор», Л. Петрушевская «Время ночь» и др.). Наблюдается увеличение пространственно-временной дистанции между повествующим и повествуемым «я», достигаемое посредством ретроспекции и помещения повествующего и повествуемого «я» в разные временные планы, смены приемов внешней и внутренней фокализации.

В русской и белорусской неклассической прозе последних десятилетий XX века была предпринята попытка взглянуть на события недавней истории не через призму идеологической ангажированности, а с целью осмысления индивидуальной человеческой судьбы в контексте этих событий. На уровне *пространственно-временной организации* произведений зачастую происходит несовпадение биографического времени персонажей с социально-историческим континуумом.

В социально-психологической повести наблюдается трансформация литературного типа «маленького человека», вернее, появляются специфические варианты этого типа: «*песчинка истории*» (М. Палей «Евгеша и Аннушка», М. Кураев «Капитан Дикштейн», Г. Головин «День рождения покойника»); *ge-*

рой-исполнитель (А. Рыбаков «Не успеть», М. Кураев «Ночной дозор»); *обитатель социального «дна»* (С. Довлатов «Зона. Записки надзирателя», Л. Габышев «Одлян, или Воздух свободы», С. Каледин «Смирненное кладбище», В. Мудров «Гісторыя аднаго злачынства», Ю. Станкевич «Рыфма», «Прузі»); *герой-маргинал* (Л. Улицкая «Сонечка», «Веселые похороны», С. Бабаян «Без возврата (Негерой нашего времени)»); *трикстер* (В. Крупин «Живая вода», В. Маканин «Предтеча», «Где сходилось небо с холмами», А. Зиновьев «Иди на Голгофу»). При этом необходимо отметить, что, в отличие от реалистической прозы, человек в авангардистской эстетике исследуется в общегуманистическом (а не в социальном) ракурсе. Общественная жизнь порождает абсурдное, фантазмагорическое сплетение обстоятельств его судьбы, становится теми «декорациями», в которых человек существует.

Сюжетно-композиционная организация ряда произведений также обусловлена взаимовлиянием и взаимопроникновением художественных систем, экспериментами в литературе, когда прецедентные сюжеты, мотивы, образы «пересаживаются» на новую почву, переносятся в социальные и культурные «декорации» современности (А. Дмитриев «Воскобоев и Елизавета», В. Пьецух «Новая московская философия», В. Войнович «Шапка», А. Кабаков «Бульварный роман», А. Ветях «Барак № 6»).

Художественное осмысление тоталитарного прошлого и настоящего советского общества нуждалось в изоморфной жанровой форме. Таковой оказалась **повесть-антиутопия**, отразившая социальный эксперимент в аллегорическом ключе.

Политическая антиутопия всегда основана на художественной репрезентации двух оппозиционных миров: реального, в котором тоталитарное устройство поглощает личность, и альтернативного, где царят гуманистические идеалы. Однако, например, в политической антиутопии А. Кабакова «Невозвращенец» моделируются два равноценно неблагоприятных общества – настоящего и недалекого будущего. И потому моральный выбор героя представляет собой поиск личной выгоды и временного благополучия, а не стремление к духовным ценностям.

Метонимическая семантика *идеологической антиутопии* (А. Курчаткин «Записки экстремиста», В. Гигевич «Карабель») позволила на примере частной идеи продемонстрировать генезис тоталитарного сознания и становление основ тоталитарного общества. При этом наблюдается эволюция идеологической проблематики в сторону углубления психологического анализа социальных механизмов и осмысления экзистенциальных вопросов через призму общественно-политического мироустройства. Идеологическая антиутопия трансформируется в *социально-психологическую*.

Порождением XX века с его постоянно напряженной внешнеполитической обстановкой и милитаристскими настроениями является *технократическая антиутопия* (В. Рыбаков «Первый день спасения», Л. Петрушевская «Новые Робинзоны», А. Адамович «Последняя пастораль»), в которой писатели прогнозируют возможные последствия ядерной войны. Для нее характерны апокалипсические настроения и воплощение картины гибели цивилизации.

Антиутопия второй половины XX века поставила вопрос о высокой степени личной ответственности человека за происходящие события, за его собственный нравственный выбор. Такого рода проблематика обусловила появление жанровой разновидности *семейной* антиутопии (В. Маканин «Лаз»).

Субъектная организация русской и белорусской повести-антиутопии во второй половине XX века традиционна: повествователь, как правило, изображен эксплицитно, он является очевидцем и участником событий.

Сложившийся в литературе жанровый канон антиутопии требовал от писателя изображения ритуализированного общества, в котором невозможно какое-либо самостоятельное движение личности. «Сбой» этой системы происходил тогда, когда личность отказывалась выполнять свою функцию в ритуале, то есть становилась «не как все». Прозаики второй половины XX века визуализировали эту инаковость, изобразив в своих повестях *тип героя с физическими или умственными отклонениями, но наполненного духовно* (В. Маканин «Лаз», В. Рыбаков «Первый день спасения»).

Характерная для антиутопии антиномия реального и альтернативного миров обусловила появление в ряде повестей *образа героя-медиатора*, взаимодействующего с противоположными «полюсами» художественной модели мира (В. Маканин «Лаз», А. Кабаков «Невозвращенец»). Такой герой демонстрирует условность социальных и культурных оппозиций, полярности мира, объединяющее значение общечеловеческих ценностей.

Таким образом, жанровая модификация повести в русской и белорусской литературах второй половины XX века имеет общие тенденции: и для русских, и для белорусских писателей характерен поиск новых аллегорических повествовательных форм, способных вместить как социальные, так и глубинные, метафизические смыслы.

Можем утверждать, что авангардистские и постмодернистские интенции в большей степени характерны для русской социально-психологической повести, где на семантическом уровне происходит трансформация способов субъектной организации за счет соотнесения разных повествовательных дискурсов с разными временными планами. Абсурдное становится привычным фоном существования личности, обусловившим новые ипостаси «маленького человека». На морфологическом уровне осуществляется поиск адекватных форм отображения изменившегося мироощущения, «несовпадения» героя с действительностью. Семантические и морфологические изменения белорусской повести во второй половине XX века связаны с формированием мифопоэтического мышления, с фольклорно-мифологическими способами художественного миромоделирования, чем объясняется так называемый «параболический» вектор развития белорусской прозы.

Закономерно, что именно в русской литературе жанровая форма антиутопии становится основной аллегорической формой, синтезирующей эстетические принципы реалистического и модернистского миромоделирования. Семантические изменения повести-антиутопии во второй половине XX века связаны не столько с субъектной организацией (она традиционна), сколько с формированием таких типов героев, которые воплощают иллюзорность социаль-

ных и культурных антиномий и демонстрируют общечеловеческий характер морально-этических ценностей. На морфологическом уровне коммуникативная стратегия повести-антиутопии направлена на метафорическое прогнозирование последствий идеологического или технократического развития цивилизации, при этом футурологическая картина также имеет обобщающий, вненациональный характер.

Библиографический список

1. Нефагина, Г. Л. Динамика стилевых течений в русской прозе 1980–90-х годов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02, БГУ. Минск, 1999.
2. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература: 1950 – 1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. – 2-е изд., испр. и доп. Москва: Академия, 2006.
3. Навумовіч, У. А. Беларуская аповесць XX ст.: ідэйна-эстэтычная эвалюцыя // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4, Філалогія, журналістыка, педагогіка. — 2007. — № 1.

Bibliograficheskij spisok

1. Nefagina, G. L. Dinamika stilevykh techeniy v russkoy proze 1980–90-kh godov: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.02. BSU. – Minsk. 1999.
2. Leyderman, N. L. Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody: ucheb. posobiye dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy: v 2 t. – 2-e izd., ispr. i dop. – Moskva: Akademiya. 2006.
3. Navumovich, U. A. Belaruskaya apovests XX st.: ideyna-estetychnaya evalyutsyya // Vesnik Belaruskaga dzyarzhhaunaga universiteta. Ser. 4. Filalogiya, zhurnalistyka, pedagogika. – 2007. – № 1.

УДК 821.161.1.09

Е.А. Муртузалиева
fiona70@mail.ru

Д. С. Мережковский в критической прозе А. А. Блока

В предложенной статье рассмотрены жанровые особенности очерка критической прозы А. Блока о Д. С. Мережковском, проанализированы средства создания образа героя, стилистика и символика очерка. Кроме того, автором отмечены переключки критических работ о Д. С. Мережковском А. Белого («Мережковский») и В. Иванова («Мимо жизни») с очерком А. А. Блока.

Ключевые слова: очерк, критическая проза, средства создания образа.